

Улетают — жива, улетят — и ты сразу умрёшь,
Но премудра зима, и они не узнают об этом.

Пусть им будет тепло, они взяли здесь всё, что могли...
Затворить воротá да на семь бы замков запереться,
Чтоб не слышать, как третьи сутки кричат журавли,
Улетающим клином вонзаются в сердце.

НА КРЫЛЕЧКЕ

Посидеть на крылечке, как будто мне десять лет,
Посидеть на крылечке, как будто не умер дед
И в глазах его карих древний огонь горит:
“Ох, и жалко тебя...” — А дальше — не говорит.

“Вот дострою забор, а потом ещё пять годков
От ворот буду палкой гнать твоих женихов.
Ну, а если какой и глянется, станет мил,
Ты смотри на одно: чтоб он работающий был”.

Всё-таки дедушка знает. А вечер нетороплив,
И луна над домом сочней, чем белый налив,
Часовая стрелка плоским гребёт веслом,
Пока мы на крыльце, под крылышком, под крылом...

ЧЕРЁМУХА

Памяти бабушки

И эту весну называя последней весной,
Ты ласковым цветом черёмух попрощалась со мной —
Светло разлучилась,
отчаянно, странно лучась.
И голуби реяли в скорби серебряных глаз.

Мы шли мимо дач, опрокинутых в дым и весну.
Ты тронула ветку, шепнула: “Сорви мне одну”.
И куст наклоняя пониже (коснуться бы щёк!),
Я ветки черёмух ломала ещё и ещё.

Пусть солнце целует сегодня тебя, а не всех,
Летит лепестками к губам ослепительный снег.
Как много в руках моих силы, а в сердце — любви.
Возьми, сколько хочешь, — всю землю, весь мир — но живи...

Мы только до озера, где расступались кусты,
Был тёплым песок, и купаться водила нас ты.
Но к зелени ряски и кольцам скользящих ужей
В погожие, Божие дни не приходят уже.

...Сколь, боль, ты светла!.. Притворюсь, что и я не грущу,
Но, кажется, шаг — и навеки тебя отпускаю.
Тот берег так близко, но ты мне посмотришь в глаза
И скажешь, как в детстве: “Останься. Со мною — нельзя”.

С тобою нельзя. Наш уход и приход одинок.
И чувствует крылья лишь тот, кто не чувствует ног.
И всё, что ещё для тебя на земле я могу, —
Находится здесь, на убогом моём берегу.

Но я не расплачусь, как рыба с распяленным ртом.
“Не надо рыданий, — так батюшка скажет потом. —
Им наша печаль, как сырая земля, тяжела.
Порадуйся лучше: черёмуха вновь расцвела...”

* * *

Поговори с деревьями. Они
Попятились, слегка ослеплены
Неласковым голубоватым блеском
Ещё вчера уступчивой реки,
А нынче лёд сверлили рыбаки,
Последний луч натягивая леской.

Поговори. Их шум шероховат.
Зелёной лести листьев, говорят,
Не пить реке до самого июня.
Но чуткий смысл, что каждой веткой гол,
Тугой, узлами скрученный глагол,
Того луча неистовой и струнной.

Я рядом, дерево. Едва дышу.
Но дышишь ты, а всё другое — шум,
И я цепляюсь за тебя корнями.
Я выживу и тоже прорасту,
Вонзая ветки в злую мерзлоту —
За облако, парящее над нами.

* * *

На станции провинциальной
Одни и те же поезда,
Свет фонарей, всегда прощальный,
Всегда печальная звезда.

И ночь в иголочках бессонных,
И стук сердец, и стук колёс,
И запах пепельно-перронный
Черёмухи и папирос.

И от пространственных простраций
Легко до звона задрожать.
Здесь любят долго собираться,
Но не умеют уезжать.

Вздыхнут: “Присядем на дорожку”,
Да и застынут на века,
Когда вагонная подножка
Так далека и так близка.

* * *

...А в маленьком городе некуда деться
От тополя, светом одевшего детство,
От тёплого тока ручья,
От школьных подруг и обид обоюдных,
От улиц, которыми бегала юность,
Когда ты — как воздух — ничья.

От первой любви, что казалась последней,
А стала бездарной, безжалостной сплетней,
Не нужной теперь никому,
От ветра, несущего гулы вокзала,
От слова, которое тихо сказала
В беззвёздную зимнюю тьму.

Здесь всё повторяется, пахнет сиренью,
Дробится — и радуется повторенью,
И лучшей не знает игры.
И все твои бегства — ребяческий топот.
К тем улицам, в те же дворы.